

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ШУРУПЫ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 650
В19

Иллюстрации: Игорь Приходкин

Васильев, Владимир.
В19 Шурупы / Владимир Васильев. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 180, [1] с. :
ил. — (Капитаны русской фантастики).

ISBN 978-5-222-39924-8

Долгожданное продолжение популярного фантастического боевика «Шуруп», еще более захватывающее, динамичное и масштабное. Космический флот — щит Родины-Земли и Колоний, а все остальные войска — всего лишь шурупы, вкрученные в этот щит... Возможно, раньше было именно так. Но времена меняются, и величайшие тайны, да и сама судьба Вселенной, вполне могут оказаться в руках «шурупов». Найденный в далеких глубинах космоса, на закованной в лед и камень планете, корабль «чужих» запускает цепь невероятных и опасных событий, в самом центре которых находится вчерашний скромный служащий лунной базы Виталий Можяев. Пришло время новых героев...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-39924-8

© Оформление: ООО «Феникс», 2023
© Текст: Владимир Васильев, 2023
© Иллюстрации: Игорь Приходкин, 2023
© В оформлении обложки
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

ЧАСТЬ I. РЕКРУТЕР

Космический флот — щит Родины-Земли и Колоний, а все остальные войска — всего лишь шурупы, вкрученные в этот щит.

Военно-народная мудрость

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Перемены всегда зреют исподволь, незаметно и тихо, а потом безо всякого дополнительного предупреждения обрушиваются прямо на голову. В принципе, Виталий прекрасно сознавал это. И понимал, что перемены неизбежны, но обычно оказывался слишком занят, чтобы сесть, поразмыслить, сопоставить факты и сделать выводы.

Увы, чаще всего ему было банально некогда.

Вот и сейчас Виталий с легким беспокойством думал о так и не начатом деле на Лорее, а не о причинах, по которым шеф внезапно вызвал его в нору.

Норой называлась база отдела R-80 на Луне, в кратере Королев. Отдел был крошечным — начальник (вице-адмирал Сабуров), старший оперативник Коля Доронин и просто оперативник Виталий Бурцев. Фамилии были ненастоящие, их меняли примерно раз в год. Звания тоже никто не афишировал — шеф чаще всего носил полковничий общевойсковой мундир, а Доронин — майорский, хотя на самом деле давно получил полковника. Только у Виталия, как у самого молодого в отделе, реальное и декларируемое звание совпадали.

Виталий миновал охраняемый «Вомбатом» шлюз, который разделял лунную базу и нору, а еще через несколько минут оказался перед хорошо знакомой дверью со стандартной табличкой.

Табличка была новенькая, словно ее повесили сегодня или вчера, и гласила: «Полковник Красин».

«Ага, — отметил про себя Виталий. — Шеф перекрестился. Значит, прощай, товарищ Бурцев...»

Документы капитана Бурцева Виталий получил восемь месяцев назад, отправляясь на дикий и пока малоизученный Флабрис, где безо всяких видимых причин свалился в джунгли обыкновеннейший транспортник-четырёхсотка модели «Жираф». Долго с ним Виталий возился, почти два месяца, но причину все-таки выяснил.

— Заходи, кадет! — донеслось по громкой связи.

Виталий, как раз собиравшийся постучать, опустил занесенную руку и пару секунд любовался сдвигающейся в сторону дверью.

Шеф в повседневном сидел за столом перед сразу тремя раскрытыми экранами. От двери экраны казались полупрозрачными, но судя по тому, что текст на них перемежался с характерными, как на персональных документах, изображениями, шеф изучал чьи-то личные дела.

— Здравия желаю! — поздоровался Виталий бодро.

— Здорово, кадет, — благодушно кивнул шеф, о котором теперь следовало думать, как о полковнике Красине. — Извини, что выдернул от любимой жены, но тут у нас внезапное дело.

Виталий не стал уточнять, что вызов застал его в Семеновском полку, а отнюдь не дома. Да и само понятие «дома» тоже было плохо применимо к образу жизни оперативника R-80. Жена Виталия Зоя и двое обормотов-близнецов действительно жили на Лорее, в городке, рядом с которым последние дни базировался Семеновский полк (его как раз готовили к переброске на фронт — на Соршу). Но сам Виталий бывал там крайне редко. Тот факт, что очередной эксцесс случился именно на Лорее, имел и приятную сторону: возможность лишний раз повидать семью, кто ж откажется?

Однако не срослось: в полк Виталий заглянуть успел, а домой нет. Струнник с Флабриса на Землю разгружался на Лорее всего восемь часов, а приказ есть приказ. Пришлось все бросать, мчаться на космодром и даже Зое звонить из глайдера.

Первым делом шеф выдал Виталию новое удостоверение.

«Ну-ка, ну-ка», — Виталий с интересом раскрыл красную офицерскую книжечку и выяснил, что в ближайшие полгода-год ему предстоит быть капитаном Можаяевым, интендантом генштаба.

Но это только для непосвященных.

— Еще один момент, — ровно сообщил шеф. — Повседневную форму можешь не трогать, а на флотской парадке меняй погоны, господин майор.

— Ух ты! — совершенно не по-уставному восхитился Виталий. — Сподобился все-таки? Не прошло и девяти лет...

— Ничего-ничего, — буркнул шеф добродушно. — Нам спешить особо некуда, да и парадка все больше в шкафу пылится.

«Что ж, — подумал Виталий со вполне уместным удовлетворением. — Действительно, пора бы уже...»

Капитана он получил одновременно с окончанием училища и попаданием в R-80, авансом. Но потом девять лет сидел без повышения. Однокашники-лейтенанты, которых Виталий иногда встречал в войсках и флоте, все как один получили капитанов четыре-пять лет назад, бóльшая часть к сегодняшнему дню ходила в майорах, а аристократы вроде Рихарда фон Платена или Джаспера Тревиса вполне могли уже и до полковников дорасти — во всяком случае, Виталий не слишком удивился бы этому.

Однако он понимал, что его майорство все равно будет сугубо внутренним делом R-80. На задания он по-прежнему будет выезжать как шурупский капитан, с сегодняшнего дня и в ближайшие месяцы — как капитан Можаяев. А после — как капитан с очередной незамысловатой русской фамилией.

— Потом как-нибудь простишься, — вздохнул шеф, по-отечески глядя на довольную физиономию Виталия. — Необмытые звездочки на плечи шибко давят.

И резко сменил тему:

— Принимай данные!

Виталий с готовностью вынул ком и принял пакет документов, которые ему предстояло изучить в ближайшее время.

— И куда на этот раз, мастер? — поинтересовался он сдержанно.

О Лорее Виталий даже не мечтал, иначе зачем было вообще его оттуда выдергивать?

— На Землю, — сообщил шеф буднично. — В Академию. За пополнением.

— Опа...

И опять новость застала Виталия врасплох.

Нет, он прекрасно осознавал, что рано или поздно ему предстоит визит туда, где из вчерашних пацанов делают офицеров. Но не без оснований полагал, что произойдет это лишь спустя несколько лет. Коля — пока еще Доронин — полетел за пополнением для R-80 через четырнадцать лет службы. Пополнением тогда стал Виталий. С тех пор уже немало времени утекло, но пока все же не четырнадцать лет, а только девять.

— Вот тебе и опа, — проворчал шеф. — Радуйся! Расширяют нас. Причем раньше планового срока — впору поверить, будто в Генштабе действительно прислушались к нашим молитвам.

Теперь Виталий понял причины спешки, с которой его выдернули с Лореи. Выпускные экзамены в Академии начинались со дня на день. Если бы он

ждал следующего струнника, не успел бы точно, а если тянул бы в автономе своим ходом, — опоздал бы на несколько дней.

— Сколько кандидатов ведем, шеф? — поинтересовался Виталий деловито.

— Там все сказано, — проворчал шеф, указывая на карман, куда Виталий спрятал ком. — Но вообще — десятерых.

— Ого! — оценил Виталий. — Меня выбирали из шестерых.

— Тебя выбирали одного. А ты привезешь двоих.

Сегодня определенно был день сюрпризов. Продвижение по службе в R-80 было простым до примитивности. Если приходило время рекрутировать молодого, то шеф уходил из отдела в кураторы при правительстве, старший оперативник становился шефом, а второй по опыту оперативник повышался до старшего и обучал новичка, пока тот не превратится в самостоятельного эксперта. И снова все становилось, как прежде, только со сдвигом на одну ступень.

Два рекрута однозначно ломали эту систему.

— И я, кстати, пока никуда не ухожу, — добавил Красин. — Нас действительно расширяют. Дел стало больше. Оперативников тоже станет больше. Разберете со штабсом по молодому и будете, как и раньше, сидеть каждый на своей струне. И работать будете теперь парами постоянно, а не только на время стажировки.

В самом начале службы Виталий действительно какое-то время работал исключительно под присмотром старшего оперативника. Но года примерно с третьего, как оперился и поднабрался опыта, ему начали поручать и серьезные дела, пока как-то само собой не сложилось, что Виталий стал отвечать за южную струну (Силигрима, Ийя, Лорея, Флабрис), а более искушенный Коля — за северную (Мисхор, Кит-Карнал, Дварция и совершенно чумовая Тоскана). Четырежды за все время аварии случались в Солнечной, в том числе трижды между Землей и Луной. И все четыре раза оба действующих оперативника бросали все текущие расследования и решали новую проблему сообща, потому что в Солнечной аварии были недопустимы. Они и в Колониях были недопустимы, но в Солнечной — особенно.

— Личные дела изучишь в первую голову, — велел шеф. — Мы со штабсом выделили двоих наиболее подходящих, но если один опасений точно не вызывает, то ко второму следует присмотреться как можно пристальнее. Если усомнишься — меняй без колебаний. Главное, исходи из того, что тебе с ними работать бок о бок, а мне только приказы отдавать. Так что выбор на самом деле твой, а не мой. Такие дела, кадет.

— Понял, мастер! — ответил Виталий серьезно.

И вдруг, сообразив реальную подоплеку еще одних недавних перемен, протянул:

— Так вот зачем нам корабли обновили...

В прошлом году оперативникам R-80 полностью сменили летную базу: и личные глайдеры, и матку-пятисотку.

— Сообразил, сыщик... — с легким ехидством проворчал шеф. И добавил: — Тебе, кстати, опять свежую пятисотку принимать. Нынешняя штабсу останется, новая тебе будет.

— То есть две независимые группы по факту? — уточнил Виталий.

— Теперь — да, — подтвердил шеф. — Все, стартуй в Академию. Связь по моему персональному каналу ежедневно, докладывай обо всем, даже о том, что может сначала показаться неважным. Будут сомнения — советуйся немедленно, не так часто мы молодых покупаем. Ошибок быть не должно!

— Ошибок не будет, мастер! — Виталий браво козырнул. — Разрешите идти?

— Иди... Тревису лично от меня приветы. Думаю, он тебя вспомнит. Не забудь представиться... по-нашему. Все, ступай!

Виталий с удовольствием развернулся на каблуках и выскользнул за дверь. За девять лет службы флотские ритуалы не успели ему наскучить, даже невзирая на то, что соблюдались они не всегда, а если и соблюдались, то без особого рвения, и на то, что носить приходилось шурупскую форму, а не флотскую. Парадная флотская форма висела здесь, в шкафу в соседнем кабинете, и этого знания Виталию было вполне достаточно.

Смуглый паренек в комбинезоне техника как раз менял табличку на двери этого кабинета. Старая, с надписью: «Капитан Бурцев» лежала на полу. На той, которую техник привинчивал к двери, значилось: «Капитан Можаяв».

В кабинете Виталий надолго не задержался — вчерне ознакомился с кадетами-кандидатами, подобрал «хвосты» по прошлым делам, заменил погоны на парадке (звездочки, по одной на каждом, казались непривычно большими), а перед самым выходом помедлил, взглянул на пустующий второй стол в кабинете и подумал: «Скоро тут поселится молодой. Такой же, как я девять лет назад. Второй молодой поселится в соседнем кабинете, у Коли Доронина... или как там его скоро будут звать?»

Из скупых и официозных личных дел трудно было почерпнуть что-либо важное. Все десять кадетов потенциально были хорошими инженерами и недурными пилотами — ну так по этим критериям их и отбирают в кандидаты. Виталию предстояло за две экзаменационные недели изучить всю десятку

вживую и выяснить, кто годен к службе в R-80, а кто нет, и из тех, кто годен, выбрать двоих лучших. Задача, простая только на первый взгляд.

В подобных размышлениях Виталий вернулся к себе на пятисотку, запросил взлет и вскоре отбыл на Землю. Его подмывало снова засесть за личные дела, но, немного поколебавшись, он решил, что строить впечатление о людях заочно, — гиблый номер. Лучше увидеть кандидатов вживую, а потом уж сверять личные впечатления с личными делами.

Поэтому Виталий ушел в ангар и время перелета Луна — Земля потратил на то, чтобы вынуть из своего глайдера резервный грузовой контейнер и смонтировать на его месте дополнительное пассажирское кресло. Забирать-то ему предстояло двоих, а глайдер штатно был сконфигурирован двухместным.

Как раз успел: утерев пот со лба, он поспешил в рубку. Посадку в автоматическом режиме все равно спокойнее наблюдать за пилотским пультом — это вам любой космолетчик скажет.

А уж сотрудник R-80 — в особенности.

Пятисотку Виталий оставил в карантинной зоне, чтобы без помех стартовать на глайдере прямо с палубы, не теряя времени на блошинные прыжки к общим стартовым ромашкам и на утомительные переговоры с диспетчерами. Когда он взлетел, на графике кто-то недоуменно поинтересовался:

— Кто это там у нас такой красивый в карантине взвился?

Резервные стартовые коридоры в данный момент были свободны — Виталий был не дурак, чтобы взлетать, не убедившись в этом. Однако для старта большинству пилотов все равно требовалось добро от диспетчеров.

Но то большинству...

На вопрос он ответил предельно сдержанно и кратко:

— Свои.

После чего отдал принудительный корабельный тик, по которому легко было опознать и его глайдер, и принадлежность матки-пятисотки, а потом отключил связь.

Выделяться в эфире Виталий не любил. Да он в принципе выделяться не любил, но старший оперативник R-80 когда-то убедил его: периодически это делать все же нужно, чтобы не забывали.

Вот он и напомнил.

До Академии Виталий летел предельно аккуратно, соблюдая все правила и инструкции. Теоретически он мог сесть на внутреннем летном поле и оставить глайдер где-нибудь на территории, но... была одна тонкость.

Виталий еще не знал, кого именно из курсантов он рекрутирует в R-80 (говоря по-простому — «купит»), но процесс их воспитания и вовлечения в будущую должность начинался как раз в этот момент. Посадка на гостевую

площадку напротив главной проходной Академии была первым действием этого процесса.

Еще в воздухе Виталий полюбовался видом на альма-матер — и, надо признать, посмотреть было на что. Главздание вообще было красивым в архитектурном смысле и, как гласили курсантские учебники, являлось копией Московского Университета, правда, не на сто процентов точной и к тому же уменьшенной. Остальные здания — учебные и жилые корпуса, ангары, боксы, строения летного поля и четырех мехзон — выглядели скромнее, но тоже были роднее родных. Виталий провел здесь шесть незабываемых лет.

Но и изменилось тут многое, и это сразу бросилось в глаза.

Во-первых, территория Академии выросла более чем втрое. То, что было Академией во времена курсантства Виталия, теперь являлось лишь средней ее частью — по обеим сторонам добавилось площадей. Справа и слева от главздания выросли похожие башни-высотки. Строили их с учетом архитектурного духа минувших эпох, но и о современности не забыли. В результате откровенно историческое главздание обрело более современные спутники, но в облике каждого из них угадывался стиль прародителя, и при взгляде на все это с высоты невольно казалось, что к зданию-пращурю добавились повзрослевшие сыновья.

Все это не было для Виталия сюрпризом: со времен его учебы численность выпускного курса возросла также втрое, с двух тысяч человек до шести, и с фактом этим Виталий, ясное дело, был знаком. Однако воочию видел расширившуюся Академию впервые. С момента, когда девять лет назад старший оперативник (тогда — капитан Терентьев) увез отсюда свежее испеченного лейтенанта, Виталий не был в Академии ни разу.

Естественно, ему теперь было страшно интересно взглянуть на все это.

На проходной Виталий предъявил пропуск «покупателя» — временное рекрутское удостоверение, на две недели подгруженное в чип текущего рабочего. Шурупский капитан Можаяев, интендант генштаба, миновал турникеты и ступил на территорию Высшей двух орденов Рубиновой Звезды Академии Космического Флота. Дежурный, незнакомый майор медицинской службы, проводил его озадаченным взглядом.

Первым делом следовало обозначиться у начальства, однако, как быстро выяснилось, нынешний ректор Академии вице-адмирал Пол Тревис отсутствовал на Земле аж до послезавтра. Его заместителя контр-адмирала Сергея Фисунова на месте также не оказалось. Поразмыслив, Виталий решил поискать начальника выпускного курса. Тут-то и выяснилось, что выпускных курсов в Академии нынче целых три, по одному в каждом из потоков. При-

чем интересующий его инженерный учится и квартирует в одном из новых главзданий — западном.

Поблагодарив секретаря, Виталий вернулся в холл, но неожиданно для себя вместо выхода свернул к лифтам и поднялся в буфет.

Не то чтобы егошибануло ностальгией — все-таки Виталий был не кисейной барышней, а полевым офицером-оперативником, пусть и рядился в шкуру тылового чинуши. Курсантских воспоминаний было явно недостаточно, чтобы он размяк и прослезился, но некоторое смятение в груди Виталий все же ощутил. Он замечал много знакомого, но видел и немало перемен. Лифты, например, были новые, а видеорегистраторы на входе в большой зал — все те же. Расстановка столов частично изменилась, но памятный столик, где Виталий после экзамена толковал с сыном президента Рихардом фон Платеном и с сыном теперешнего ректора Академии Джаспером Тревисом, стоял на прежнем месте, и точно так же рядом с ним помещался неудобный жесткий диванчик, как ни странно, любимый очень многими курсантами и преподавателями.

На диванчике сидел за чашечкой кофе бывший офицер-воспитатель учебной группы Виталия — прежде майор, а ныне полковник Никишечкин. Чуть выше нагрудного кармана на его мундире Виталий разглядел нашивку начальника курса инженерного потока.

«Ну надо же! — восхитился Виталий. — На ловца и зверь бежит!»

Он быстрым шагом приблизился к столу и остановился в двух шагах. Только сейчас Никишечкин поднял на него взгляд, несколько секунд молча смотрел в глаза, а потом узнал и улыбнулся.

— Позвольте присоединиться, господин полковник? — весело спросил Виталий.

— Садись, капитан! — велел Никишечкин, обернулся к барной стойке, поднял руку и щелкнул пальцами.

Вообще-то в буфете Академии не было официантов, но уж к начальнику курса, хоть бы и параллельного, бармены бегали без возражений.

— Чай, кофе? — осведомился Никишечкин, подчеркнуто безлично обращаясь к бывшему подопечному.

Как раз подоспел бармен.

— Ситро и сосиску в тесте, — сказал бармену Виталий.

Тот понимающе кивнул и резво засеменял к стойке.

Виталий тем временем вынул пластиковое, предназначенное не для считывателей, а для живых людей удостоверение личности, раскрыл и показал полковнику.

— Капитан Можаяев, интендантская служба генштаба, — отрекомендовался он, не пытаясь скрывать широченную улыбку.

— Понимаю-понимаю, — закивал Никишечкин. — За моими выпускниками? Пришел, значит, срок?

— Так точно, — подтвердил Виталий. — Пришел.

— А ты все капитанишь? — Никишечкин, приподняв одну бровь и выпрямившись, взглянул на погоны Виталия.

— Традиция, — усмехнулся тот.

— Как же, как же, помню, тебя тоже капитан забирал. И был постарше, чем ты сейчас. Ну, как служится?

— Нормально. Вздохнуть некогда. Сюда, честное слово, как в отпуск прилетел.

— Верю, — Никишечкин снова закивал. — Жаль, о подробностях ты не расскажешь, ну да ладно. Доволен хоть?

— Вполне! — выдохнул Виталий и был в этом максимально искренен.

— А как на форму шурупскую серчал, фу-ты ну-ты! — проворчал Никишечкин с доброй ехидцей.

— Молодой был, глупый, восторженный, — Виталий не мог перестать улыбаться, потому что настроение было прекрасное, и встрече с воспитателем он был действительно рад. — Вы тогда сказали, служба всякая нужна. Так и оказалось.

— Вот видишь, — полковник отпил кофе и едва заметно поморщился. — А барышню свою отыскал? Она весь выпускной в углу прорыдала, до сих пор помню, как было жалко и тебя, и ее.

Виталий с гордостью продемонстрировал обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки.

— Двое пацанов, близнецы. На Лорее.

— Ну молодец, что могу еще сказать? Рад за тебя... Можаяев. Правда рад.

— Спасибо, Сергей Иванович. За все. Я только недавно начал понимать, какими мы были балбесами и как много вы и остальные преподаватели для нас делали.

— Взрослеешь. Так и должно быть, — ответил Никишечкин ровно, но Виталий чувствовал, что он одновременно и тронут, и горд, и доволен. Ну а кто не будет горд и доволен, глядя на удачные результаты шестилетнего постоянного труда, тяжелого и тонкого, да еще учитывая, что эти результаты одушевлены, разумны и постепенно мужают? Виталий начал это понимать только после возни со стремительно растущими сыновьями, увы, возни редкой, но всегда такой желанной. Никишечкин отличался от него только количе-

ством и возрастом детей, а чем дети старше и чем их больше, тем головной боли только прибавляется. В геометрической, чтоб ее, прогрессии.

Примчался официант с сосиской и ситро, разгрузил поднос и, отпущенный Никишечкиным, удалился.

— Ладно, больше вопросов задавать не буду, — Никишечкин допил кофе. — По делу я нужен?

— Конечно, Сергей Иванович. Не то чтобы сию секунду, но поговорить об отобранных хотелось бы.

Никишечкин взглянул на часы, что-то прикинул и предложил:

— Тогда лопай свою сосиску и поехали ко мне в западный. Там и побеседуем.

Академический буфет в смысле вкуса напитков и еды за девять лет ни капельки не изменился. Теперь Виталий мог это сказать совершенно точно.

По пути к выходу из главздания Виталий снова перехватывал взгляды курсантов — иногда любопытные, иногда равнодушные, но чаще презрительные. Пару раз он ловил произнесенное за спиной и шепотом: «Шуруп». Но Виталий был к этому готов. Да и привычен.

Удивило его другое. Оказывается, к западному корпусу ходил местный транспорт: симпатичные электрокарчики, выкрашенные в желто-зеленые цвета. Раньше всюду, кроме разве что летного поля (туда было реально далеко идти) приходилось добираться пешком. В новшестве имелась своя логика: площадь Академии возросла втрое, а время дорого. Заодно у курсантов прибавилось нарядов — за баранкой их электрокарчика сидел второгодка, да и во встречных на водительском месте виднелись сплошь лопухие и коротко стриженные физиономии.

Западное главздание на деле оказалось разумным сплавом традиционного (чтобы не сказать архаичного) зодчества и новомодного объемного литья. Каменные стены тут плавно стыковались с полипластом, а стекло и бетон — с мономолекулярами и диффузионным напылением. И в целом все это весьма неплохо смотрелось что снаружи, что изнутри.

Планировка и расположение помещений от старого главздания отличались несильно, поэтому Виталий почти сразу сообразил, куда они с Никишечкиным пойдут, — мимо лифтов, к широкой лестнице на второй этаж и налево, к кабинету начальника курса через приемную с обязательным секретарем.

Физиономия секретаря показалась смутно знакомой. Кажется, когда Виталий заканчивал Академию, был на младших курсах именно такой, с острой крысиной мордочкой, бесцветными глазами и зарождающейся причесочкой набок. Виталий вспоминал, что еще тогда решил: очень не хватает тонкой полоски усиков под носом. Но салагам усики не полагались.

Сейчас усики были, а прическа набок выглядела вполне полноценной, холеной и ухоженной. Зато взгляд был тот же — бесцветный, практически ничего не выражающий. Даже презрение к шурупской форме не демонстрирующий слишком явно.

— Кофе будешь? — спросил Никишечкин. — У меня лучше, чем в буфете. Или, может...

Полковник многозначительно покосился на бар, где за полупрозрачными стеклами смутно угадывались силуэты бутылок.

— Кофе буду, — твердо сказал Виталий. — А остальное позже, как отработаю.

Никишечкин просто кивнул, не выражая ни одобрения, ни порицания этому несколько показному служебному рвению бывшего воспитанника, но Виталий всегда считал: сделал дело — гуляй смело. А до того нечего расслабляться.

Вот он и не расслаблялся.

— Марек, свари кофе, праздничный, пожалуйста, — Никишечкин обернулся к секретарю. — И эти твои пончики с кремом... или как их?

— Пышки, Сергей Иванович, — подсказал секретарь. — Сию секунду!

Он выскользнул за дверь, а Никишечкин широким жестом пригласил Виталия подсаживаться к столу.

Сам начальник курса с видимым удовольствием угнездился в кресле — вне всякого сомнения, кресло было любимое, поскольку не слишком новое и кое-где даже слегка потертое. Виталий поймал себя на мысли, что судорожно вспоминает прежний кабинет Никишечкина. Вернее, канцелярию учебной группы — какое там стояло кресло? Именно это? Или другое?

Стол в канцелярии Виталий помнил отлично — сколько раз приходилось во время воспитательных бесед со стыдом и досадой разглядывать столешницу, потому что в глаза офицеру-воспитателю глядеть не доставало духу! Каждая царапина помнилась до сих пор. Но вот кресло... Решительно никаких воспоминаний.

— Ну что, — полковник оживил ком и вызвал в раскрывшийся полупрозрачный объем данные по курсу. — Вашу контору, как всегда, интересуют хорошие инженеры и одновременно хорошие пилоты, так?

— В целом — именно так, — подтвердил Виталий, вынимая свой оперативный ком.

Никишечкин коротко поманипулировал данными.

— По этим критериям лучшая пятерка — Левенец, Келли, Меркадо, Даев и Пашинский...

— Келли сразу вычеркиваем, — сказал Виталий уверенно. — Не подходит по психологическому профилю. Остальные в списке. А вторая пятерка?

Никищечкин если и удивился, то виду не показал. Виталий знал, что его предшественники обычно ограничивались пятью-шестью кандидатами. В последние полгода вели до десятки, но ближе к экзаменам, как правило, оставалась пятерка, да и то обычно формально, потому что нужный выпускник и первый его дублер чаще всего намечались за месяц до отправки покупателя в Академию.

Но так было раньше, когда покупали лишь одного.

Полковник сдвинул список в объеме и прежним спокойным тоном огласил еще пять фамилий:

— Майсурадзе, де Агостини, Шунин, Кравченко и Чен Па.

— Майсурадзе тоже вычеркиваем, — сообщил Виталий. — В целом совпадает. С учетом вычеркнутых не хватает Пехлеваниди и Самойлова.

Никищечкин поигрался со списком.

— Ну Пехлеваниди следующий, понятно. Но Самойлов-то вам зачем? Он вообще по спецтехнологиям и пилотированию в середине курса. Вы же лучших берете. Ты не по курсу, а по общему выпуску в десятке был! Восьмым, по-моему.

— Седьмым, — поправил Виталий. — Извините...

Он вздохнул и безо всякого кома обрисовал истинные интересы R-80:

— В первую очередь нас интересуют Левенец, Пашинский и Самойлов. Следом — Даев, Кравченко и Шунин. Остальные в глубоком резерве, и на сегодняшний день я, пожалуй, ограничусь этой шестеркой. И еще, Сергей Иванович. Я не в курсе — вам известно уже или нет. Покупать буду двоих.

Вот тут Никищечкин точно удивился, хотя лицом он не изменился ни на йоту, — удивление Виталий прочел в его глазах.

— Ну... двоих так двоих, — сказал он после небольшой паузы. — Все расширятся. Логично.

— Куда деваться, живем в расширяющейся Вселенной, — сострил Виталий, сам пока не понимая, — к месту или не к месту.

Секундой позже явился секретарь с подносом.

— А вот и кофе! — обрадовался Никищечкин. — Я тебе говорил, у меня вкуснее, чем в буфете! Сейчас убедишься.

— Охотно, Сергей Иванович! — заулыбался Виталий.

Минуты через три, уже после того, как оба сделали по крохотному глоточку и Виталий убедился, что кофе действительно выше всяких похвал, Никищечкин поставил чашечку на блюдце, помассировал виски и словно бы с неохотой заговорил:

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. РЕКРУТЕР

Глава первая.....	4
Глава вторая.....	16

ЧАСТЬ II. ОПЕРАТИВНИК

Глава третья.....	34
Глава четвертая.....	47
Глава пятая.....	58
Глава шестая.....	76

ЧАСТЬ III. АГЕНТ-ОПЕРАТИВНИК

Глава седьмая.....	106
Глава восьмая.....	122
Глава девятая.....	140
Глава десятая.....	163

Литературно-художественное издание

16+

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Шурупы

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.